

КОМБИНЪ И ЗОЗА.

Разсказ Шарля Гирша, перев. съ франц. А. Даманской.

Шляпа
Ноги
Ротъ
Кивнеть
Шагнеть
Поѣсть

Написать это однимъ махомъ, безъ за пятыхъ и безъ точекъ, Викторъ Комбинъ, вѣрный пріемамъ своего художественнаго творчества, написаннаго не прочелъ, всталъ и подошелъ къ зеркалу. Обтянул куртку, расправилъ концы огромнаго пестраго галстука, взялъ трость съ головой носорога, дамскія перчатки съ шелковой строчкой и бахромкой, и сунулъ въ губы пустую трубку. Закрывая за собою дверь, онъ по старой буржуазной привычкѣ, дважды повернулъ ключъ въ замкѣ и на грифельной дощечкѣ, висѣвшей на косякѣ двери, написалъ:

«ПОЭТЪ ВЪ КУПОЛЬ».

Пять этажей отдѣляли отъ улицы мансарду, изъ которой геній его озираетъ весь міръ.

Въ кафе «Куполь» — Комбина встрѣтилъ радостный хоръ голосовъ. За его столомъ уже восѣдали, потягивая обычную пятчасовую рюмочку: художникъ Ужита Коро, маленькій японецъ съ гладкими черными волосами, натурщица негритянка Зоза въ тюрбанѣ изъ серебряной парчи, Ирбчъ чехословацкій критикъ съ изрытымъ оспою лицомъ, скульпторъ Боккарина, и бѣлобрысый молчаливый голландецъ Тульпъ ванъ Денельдэмъ. Никто не зналъ его думъ, но думалъ онъ всегда, упорно и сосредоточенно. Никто не зналъ, философъ онъ, музыкантъ ли, поэтъ, — но всемъ было извѣстно, что трудъ, который онъ готовитъ міру, источникъ величайшихъ для него наслажденій. Объ этомъ онъ заявилъ однажды, раскрывъ неожиданно ротъ и всѣ повѣрили ему.

Какъ поздно, Комбинъ! крикнула изъ за стола Зоза.

Но изъ другого угла окликнули поэта Гуннаръ Стремъ, «теоретикъ реформаторъ шведскаго романа», и сидѣвшая рядомъ съ нимъ пианистка Гильда Кроненфьордъ, женщина гигантъ, подъ руками которой разлетѣлся однажды въ щепки концертный рояль. Комбину пришлось раскланиваться и здороваться со многими пріятелями и почитателями и долго еще испытывать терпѣніе Зозы.

Наконецъ, онъ подошелъ къ своему столу.

Прекрасная Зоза! Викторъ Комбинъ не можетъ опоздать. Стрѣлка времени движется согласно съ его шагами, скаль онъ съ естественной въ его ухахъ величавостью. Негритянка отодвинулась. Онъ сѣлъ на обитую клеенкой лавку у стѣны рядомъ съ нею, развязалъ свой пышный бантъ и расправилъ на груди концы такъ, чтобы публика могла любоваться нарисованными на нихъ попугаями. Подошедшему гарсону онъ заказалъ кружку пива для «утоленія жажды» и крутое яйцо «для утоленія голода».

Какъ я славно поработалъ сегодня, сообщилъ онъ. Ужита Коро сдѣлалъ ему учтивый цвѣтстый комплиментъ и перевелъ ревнивые глаза на заполыхавшую отъ счастья Зоза. Чехъ, Ирбчъ съ рюмкой въ рукахъ привелъ нѣсколько афоризмовъ великихъ людей, развѣнчивающихъ трудолюбіе. Молчаливый голландецъ сочувственно кивалъ головой. Боккарина заговорилъ о религіозномъ философскомъ значеніи трудолюбія «поэтовъ и художниковъ, завоевателей всѣхъ планетъ» и голландецъ опять сочувственно кивалъ головой.

Дай, я почищу, крикнула Зоза, когда Комбину принесли яйцо для утоленія голода. Она стукнула яйцомъ о край стола и тщательно сняла скорлупу.

Франко-Совѣтск. отношенія.

Деп. МАРИУСЪ МУТЪ.
Къ предстоящему его назначенію на постъ французск. посла въ Москву.

Зоза, гордая своимъ стройнымъ крѣпкимъ тѣломъ, египтянка съ лиловымъ тѣломъ и губами, благородной граціей въ каждомъ движеніи и огнемъ пронизывавшимъ все ея существо. Въ прошломъ — дѣтство, о которомъ лучше не вспоминать, нищенство и долготѣнія лохмотья, а тамъ безгрѣшный и безпорочный переходъ къ легкой, пестрой и шумной жизни. Были и попытки жить честнымъ трудомъ — неудачныя. Женщины такъ ревнивы, а мужчины такъ неохотно берутъ на себя роли рыцарей-защитниковъ.

Одинъ случайный кратковременный покровитель надоумилъ показать себя художнику. Зоза быстро вошла въ моду. Теперь это желаннѣйшая для всѣхъ художниковъ модель, царица Савская Монпарнасса, и въ «Куполь» всѣми чтимая, всѣми любимая, сверкающая, сияющая, она громко и непринужденно ораторствуетъ о «техникѣ» и «новыхъ пріемахъ», о «томъ, что живопись не фотографія», и не продаетъ уже больше своихъ ласкъ. Ёшь наконецъ яйцо, Комбинъ!

Но Комбинъ не слушаетъ ея. Онъ говоритъ и его слушаютъ. Гюго, Виньи Бодлэръ, Верленъ — деревянные кумиры, которымъ давно мѣсто въ сараѣ. Рембо — для дѣтей старшаго возраста...

Онъ обращается къ Японіи, къ Нидерландамъ, къ молодой Чехословацкой республикѣ, къ Италіи, гдѣ исчезнувшихъ Данте, д'Анунціо, Микель Анджело и Бенвенуто — смѣнилъ Боккарина, подготовляющій итальянское юношество къ воспріятію «религіи всѣхъ искусствъ», къ «комбинизму».

Да, пей же, Комбинъ! Тебѣ вѣдь жарко... волнуется Зоза. Окрикнувъ ее «отстань», онъ проглатываетъ яйцо. Зоза жадно глядитъ на его губы, и ясно для всѣхъ: за одинъ поцѣлуй этихъ губъ она отдастъ всю кровь своего чернаго гармоничнаго тѣла. Чехъ, Ирбчъ осушаетъ четвертую рюмку. Онъ единственный осмѣливается возражать Комбину и усомниться въ томъ, «что комбинизмъ вышелъ уже далеко за предѣлы Франціи».

Спросите Ужита Коро, снисходительно улыбаясь отвѣчаетъ Викторъ Комбинъ. — Вы услышите отъ него, что «вся молодая Японія» признала теперь «комбинизмъ»...

И, дѣйствительно, японецъ тихо, вѣжливо подтвердилъ:

Стихи Виктора Комбина, переведенные моими друзьями Тоюяна и Окибу, были откровеніемъ для «молодой Японіи».

Я только что пріѣхалъ изъ Берли-

1. Въ ожиданіи очереди. 2. Письма. 3. Регистрація брака. 4. За справками.

на — громко заявилъ мрачный, худой, какъ жердь, индусъ. — Тамъ только и говорятъ, что о вашихъ «Какограммахъ».

Сонно позѣвывавшій за сосѣднимъ столомъ Серафимъ Павловичъ Армьескій стряхнулъ съ себя лѣнивую дрему, и тоже завѣрилъ, что большевистскій переворотъ былъ въ Россіи бурей въ стаканѣ воды въ сравненіи съ той подлинной грозой и раскатами, какіе вызвала по всей Россіи первая книжка стиховъ Виктора Комбина.

«Видите, Ирбчъ, вы неправы, — спокойно сказалъ поэтъ съ попугаями на груди, — комбинизмъ завоевываетъ теперь весь земной шаръ».

Его поддержалъ новый гость, сухой жилистый грекъ. Три турка единодушно заявили, что въ Оттоманской Имперіи «комбинизмъ» отразился не только на искусствѣ и литературѣ, но даже въ политикѣ... И они иллюстрировали свои слова непонятными для всѣхъ слушателей примѣрами.

Зоза восторженно смотритъ на Комбина и даритъ почитателямъ его улыб-

ки, зажигающія надежды въ темныхъ, синихъ и сѣрыхъ глазахъ. Пьяный, но сохраняющій невозмутимое достоинство Арчибальдъ Ноуэтеръ изъ Бостона, неистово работая языкомъ, однимъ гласнымъ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что «Какограммы» самая популярная книга въ Сѣверной и Южной Америкѣ. Молодой робкій кореецъ, занесенный судьбою на берега Сены, шуршитъ планомъ «Храма Мысли», который онъ нарисовалъ, вдохновленный стихами Комбина, и не смѣетъ показать ему...

Понемногу, столы въ «Куполь» сиротѣютъ. Разбредаются и свита Виктора Комбина — по кухмистерскимъ, по ресторанамъ. Комбинъ тоскливо вздыхаетъ. «Если бы я могъ засѣсть за работу... Если бы я могъ написать настоящую книгу»...

Зоза тихо гладитъ его руку. Она все понимаетъ, и угадываетъ то, чего себѣ самой не рѣшилась бы назвать словами. И, опустивъ вѣки на свои огромные черные глаза, она шепчетъ: «Пойдемъ, Комбинъ, ко мнѣ, пообѣ-

даемъ вмѣстѣ. Это можетъ быть первой главой интересной повѣсти»...

Онъ равнодушно улыбается, соглашается, и негритянка, вспыхнувъ, хорошея и молодѣя съ каждымъ мгновеньемъ, принимаетъ королевскій подарокъ. Смѣясь и сверкая зубами, она уводитъ съ собою поэта изъ кафе.

Перев. А. Даманская.

ОПЕЧАТКА.

Къ крайнему сожалѣнію редакціи, опечатки исказили смыслъ и тонъ стихотворенія Пв. А. Бунина въ предыдущемъ № «Иллюстр. Россія». Двѣ строфы этого стихотворенія, должны читаться такъ:

Въ сторожкѣ грусть, мушинный гудъ...
— Зачѣмъ въ лѣсу звенить овсянка,
Грибы растутъ, цвѣты цвѣтутъ
И травы ярки какъ мѣдвянка?

— Зачѣмъ подъ мѣрный шумъ дождя,
Томясь всѣмъ міромъ и сторожкой,
Большоголовое дитя
Долбитъ о подоконникъ ложкой?